

НАВСТРЕЧУ ЗРИТЕЛЮ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К МОСКОВСКИМ ГАСТРОЛЯМ КУБЫШЕВСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

для любого театра, пусть он самый известный и творчески благородный, гастроли в столице, с обстоятельный обсуждением спектаклей ведущими московскими критиками, с большой прессой серьезный и ответственный этап в жизни. Ведь уже сам факт приглашения в столицу — свидетельство признания больших достижений коллектива.

в Москве было предельно насыщенным и жарким, в самом прямом и переносном смысле этого слова. Грузинский театр имени К. Марджанишвили, Башкирский театр имени М. Гафури, питереснейший театр из азербайджанского города Шеки. Русский драматический театр Литовской ССР, драма ТЮЗа — Красноярский и Воронежский — предшествовали началу творческого отчета Куйбышевского театра на старейшей сцене столицы в Малом театре. Да еще нестерпимая жара, вынуждающая москвичей искать отдыши за пределами города. Было от чего волноваться и руководству театра, и коллективу. Но уже первые спектакли показали: москвичи помнят, знают и по-прежнему любят Куйбышевский театр драмы. И традиционный вопрос: «Нет ли пшишего билетика?» как самое верное свидетельство успеха звучал ежевечерне перед зданием Малого на протяжении всех гастролей.

прошлых лет, гастролирующим в Москве коллективам,

за исключением оперных театров, было дано только по две недели. Но если бы Куйбышевский театр работал в столице целый месяц, он бы не ощущал нехватки в зрителях. Хотя с прошлого его приезда в Москву прошло уже восемь лет, не считая, разумеется, показа «Услыхших шлемоносцев» сезона 1980 года.

Итак, каким же представил на этот раз Куйбышевский театр драмы? Чем удивил, порадовал, а чем и огорчил? Споры начались уже по са-

мим названиям репертуара. Четыре сложнейших произведения русской классики: Чехов, Горький, Гоголь, Салтыков-Щедрин. Не всякий даже столький театр может позволить себе роскошь таких имен на афише одновременно. Но при этом ни одной советской современной пьесы, равно «Материнскому полу», «Золотой карсте», «Усватским шлемоносцам», как это было в прежние времена театра.

А. Штейна в постановке Р. Раухлина — спектакль достойный куйбышевской сцены и это получивший по заслугам хорошую оценку на обсуждении в прессе. И все-таки почти тридцатилетней давности пьеса с позиций сегодняшнего дня в отдельных своих моментах казалась и

сказуемыми ходами, слишком открытыми образами. К тому же и «Легендарная личность» В. Лешнова в целом интересно, с юмором, с тонкой задушевной интонацией, поставленная Г. Меньшиковым и сыгранная актёрами, а тем более не очень удачный «ТАСС» (упомянутое выше) — по Ю. Семёнову инсценировка и режиссуре Г. Примакова не составили тогда крепкого репертуарного спектакля, на котором для нас всегда привычно строились афиши куйбышевцев.

столкнулись в споре: право-мерно ли было делать визит на классики в гастрольной репертуаре? Наверное, театру стоит взять это замечание на заметку и иметь его в виду будущих новых гастролей в столице. Но при этом надо от души поздравить театры и признать, что его классические спектакли явились настоящим праздником для московских зрителей и смели удивительным доводом в критической дискуссии. «Театр показал нам настоящий, очень большой цикл классических пьес, дающий пример московским театрам», — говорила в своем выступлении на обсуждении спектаклей театра в Министерстве культуры СССР доктор искусствоведения

тор искусствоведения Е. Полякова. — На спектаклях существует крепкий ансамбль. Театр не горится за новизму, в его работах нет никакой надуманности, очень хорошо звучат со сцены слова — все слышно, все понятно.

но. Об этом театре принятого говорить с уважительной интонацией. И это правильно. Эти слова подтверждаются и выступлениями центральной прессы. Уже одни заголовки статьи тому свидетельство: «Награды за требовательность», «Правда характеров», «Приходит ли мода на танцы?», «Портрет режиссера на фоне его театра». Смысль последнего заголовка стоит особо подчеркнуть.

ти по медленных, то впечатлений угасаний некоторых тенденций организма, еще недавно казалось бы, превратившихся. И как правило, в основе таких творческих за-
хватов — отсутствие единого мышления в коллективе, отсут-
ствие твердой режиссерской руки и воли, бездумное узле-
ние модой, без учета сло-
жившихся именно здесь тра-
диций, возможностей «группы», «и-
ндивидуальности».
Куйбышевский театр в этом

отношении счастливый. Стабильное художественное руко-
водство, стабильное основное ядро труппы, пренес-
шее, годами выработанное
чувство ансамбля, чувство
юмора, а отсюда чувство с-
вободы актера на спене, его аб-
солютное растворение в обра-
зах.

семьюсловий, глубина и ясность мысли без подражательства кому бы то ни было, чистота современности без погони за модой — на этом и строятся принципы руководства театром режиссера П. Монастырского. Разумеется, как во всем живом организме в Куйбышевском театре тоже происходят внутренние процессы: частичная смесь труппы, приходы и уходы очередных режиссеров, художников... Но это знаменательно. Новые силы, вливаясь в крепкий, стабильный коллектив, единомышленников, довольно болтло, но утверждаются в нем, и, не теряя своей творческой индивидуальности, становятся его неотъемлемой частью.

1976 года нынешний актерский состав театра значительно обновился, куда больше, чем за период между гастролями 1969 и того же 1976 годов. И это существенно отразилось на спектаклях. Стала ощущимой разница актерских школ, нет нет да и промелькнет где-то форсированная интонация, чуть-чуть упрощенный рисунок роли, стремление «погнать» на сцене. Для тех, кто знакомится со спектаклями театра впервые, все может быть и незаметно. Когда же знаешь театр на протяжении двадцати лет — это бросается в глаза. Но тут же отмечается и другое, радостное: как удивительно естественно «вписалась» в труппу и стала теперь ее неотъемлемой частью Н. Михеев, а ведь он тоже пришел, когда-то в Куйбышевский театр «со стопонь»; в каких прекрасных мастеров выросли и стали уже старшим или почти старшим актерским поколением М. Лазарев, С. Боголюбова, И. Морозов, Е. Григорьев, О. Тарасов, Д. Букин, А. Чурсинов, А. Дербянка, в какую яркую и совсем особую индивидуальность отлился дарование Л. Албышкой, недавно, казалось бы, пришедшей в труппу со студенческой скамьи. И не перестаешь удивляться молодости и искрометности таланта В. Ершовой, над которой, к счастью, бесконечно время.

Поистине Куйбышевский

Конечно, Гогольский театр — золотая россыпь талантов. Талантов, вращенных умными, добрыми, чуткими руками режиссера, педагога, Мастера.

Какой же спектакль имел на гастролях в Москве наибольший успех? Пожалуй, трудно определить однозначно. Чуткая тишина зала на «Чайке» отвечала той трепетной, прозрачной и напитанной как

струна атмосфере, что царила на сцене. Напряженно, взатия дыхание, следил пристальный зал за трагифарсовыми превращениями Клары Цехановской. Е. Ершовой и ее невольной жертвы Иллы Н. Михеева в «Визите старой дамы». То смехом, то аплодисментами взырьсял театр

ны недумок Алеистаков С. Караков вдруг входил разбойничий раз и начинал буквально обирать перетрусивших чиновников, или колоды на сцену стремительно влезали нечто невесомое, воздушное, и умолчательные тулетах, с французскими «пропонись», оказывавшееся приближении в рассмотрении супругой городничего (Б. Ершова). И каким могильным холодом вдруг обдавало зрителей, когда елейный Иудука Головлев (Н. Михеев), подтолкнув и уже спровадив на тот свет очередь своей жертвы, доставал из кармана чистый платочек и, мечтательно улыбаясь, аккуратно ненкко вытирал руки.

привозимых на сцену спектаклей Куйбышевского театра были постановки Г. Монастырского. Явление обычное: ведь работы главного режиссера — почти всегда марка театра. На этот раз все было по-иному. «Чайка», А. Чехова, «Дачники» М. Горького, «Ревизор» Н. Гоголя — режиссера П. Монастырского. Остальные пять спектаклей сделаны Р. Рахлиным, И. Меньшиковым («Легендарная личность» и «Визит стародамы»), В. Муравицом («Гость да Головлевы»), Г. Примаком. Следует подчеркнуть, что при неравнодушии к драматургической основе, все постановки были отмечены профсоюзным, высоким уровнем общей театральной культуры, единствою режиссерской мысли, точными актерскими работами. И это тоже говорит о единстве устремлений, различных художественных индивидуальностей, о том, что здесь работают люди, понимающие и уважающие творчество друг друга.

дружно, но «сговорились» сошлись на том, что сценография на этот раз почти в всех спектаклях оказалась наименее уязвимым звеном. Оформление не хватало поэтичности («Чайки»), образности («Визит старой дамы»), в одних случаях оно было слишком тяжеловесным («Ревизор»), в других скорее телесным, нежели театральным («ТАСС уполномочен заявить...»), порой нарочито метафоричным («Дачники») или заземленно-бытовым («Легендарная личность»). Наверное, и над этим замечанием театру нужно будет задуматься: приступом очередным постулатом нового театрального сезона?

но. И пусть сердце Купола
шевского театра всегда блестит
горячо и трепетно, взволнованно
и чутко, откладаясь на
запись Времени, идя на встречу
чу своему зрителю.